

А.А. Гируцкий (Минск, Беларусь)

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ МОДЕЛЕЙ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВА

Уже на заре существования цивилизации возникают две главные интенции в ее развитии – освоение внешнего, материального мира и поиски гармонизации человеческого существования в совершенствовании внутреннего мира личности, в овладении присущей ей духовной энергией. По мнению современных философов и культурологов, в борьбе этих двух интенций сформировались две глобальные модели культуротворчества, определяющие особенности развития современной цивилизации, – восточная и западная. Восточная модель путь развития видит в раскрытии внутренних возможностей человека, в осознании тождественности собственной души с душой Вселенной. Западная модель основные интеллектуальные, физические усилия направляет на освоение и преобразование внешнего мира. Она в большей степени ориентирована на обустройство земной жизни и в меньшей степени ощущает значимость связи с космосом. Эти различия находят свое отражение и в процессах семиозиса, означивания мира, в нахождении знаковых опор сознания во внутреннем, духовном мире, имеющим непосредственную связь с космосом, или во внешнем, физическом мире. Важнейшими из таких знаковых опор в первом случае выступают символы, которым могут противопоставляться реалии внешнего мира.

Особенности такого противопоставления ярко предстают уже в древнейшем памятнике индийской культуры «Бхагавадгите». Сюжетную основу «Гиты» составляет трагическая ситуация человека, оказавшегося на поле битвы, где противниками выступают два родственных рода династии Куру. «Поле Куру» – это не только реальное место, где происходит битва, но и символ Дхармы, Закона. На нем сами Боги совершали свои жертвоприношения. Индийцы верят, что на этом поле вершились не только исторические судьбы Индии, но и судьбы всего человечества. По преданию, именно с этой знаменитой битвы начинается мрачная эпоха Кали-юга в истории человечества. Таким образом, уже само географическое место битвы связано с космосом. Эта связь в Гите расширяется до возможных пределов, когда оказывается, что нравственным руководителем, наставником, помощником главного героя Арджуны в этой битве выступает сам Бог Кришна, являющийся здесь, в реальном мире, всего лишь колесничим Арджуны. Именно он, по просьбе Арджуны, выводит колесницу между двумя армиями, чтобы тот мог видеть всех, собравшихся для битвы, и повелевает: «Смотри на всех, собравшихся здесь Куру!». Нравственный, космический Закон как знаковая опора сознания Арджуны, приведший его на поле битвы, неожиданно приходит в столкновение с реалиями внешнего, физического мира. И, потрясенный, «Арджуна увидел в обеих армиях своих отцов, дедов, учителей, дядей по матери, братьев, сыновей, внуков, друзей, а также тестей и благожелателей» [1, с. 66].

Вот как поэтически описывает потрясение Арджуны академик Б.Л. Смирнов во введении к сделанному им переводу «Бхагавадгиты» на русский язык: «Как в фокусе луча, собрались здесь «нити кармы рода», и прошлое встает в своих созревших, а потому уже неизбежных воплощениях, будущее прозревается в «ужасных, неясных образах», «зловещих знаках», смущающих Арджуну, а настоящее сгустилось в чудовищное кровавое пятно, в рев, «наполняющий небо и землю» и вселяющий ужас в сердца присутствующих. Волна ужаса охватывает и тело Арджуны, в трепете он роняет лук и стрелы, оружие Богов – Гандиву... Ни победы, ни наслаждения, ни счастья, ни даже жизни Арджуна не желает. Совершается братоубийственное дело, попирается святой Закон человечности, веками охраняющий жизнь рода. Сдвинулась с места Основа: гибнут исконные обычаи, правда человеческая, носимая каждым в сердце, семейные традиции... Где же правда, как можно довериться каким-либо словам, чувствам, когда всё: зло, обман, иллюзия и единственная надежда, единственная светлая точка в этом мире мрака и отчаяния – нравственность (Святой Закон, Дхарма), на которой держится всё, разрушена? «Лучше мне безоружному быть убитым, не сопротивляясь, чем совершить такой великий грех», – говорит Арджуна. И если противники, чьи души помрачены неведением, чьи сердца опьянены вожделением, не видят преступления в этом братоубийстве, то тем более ответственны те, кто предусматривает неизбежные последствия ужаса и мрака братоубийства.

Пусть Дхарма попирается вовне, пусть гибнет моя жизнь – это еще не трагедия. Но когда внутри меня начинаются раздирающие душу противоречия, когда затемняется Светлый Лик в моем сердце, тогда помрачается сознание и поднимается вопль самим собой покинутого человека. Бессилие, отчаяние и боль, проникающие до самых глубин души, овладевают Арджуной и, рыдая, он опускается на сидение колесницы со словами: «Не буду сражаться!» [1, этика, главы I – VI].

В поэме трагедия отдельного человека символически возведена в степень всечеловеческой проблемы, где личность вынуждена делать выбор между нравственным законом, долгом и своим индивидуальным существованием. В разрешении этой трагедии в «Гите» человек руководится не столько им самим, сколько космическим сознанием – Богом Кришной. При этом в поэме настойчиво подчеркивается тождественность природы индивидуального «Я» и космического «Я» – Арджуны и Кришны, хотя возможности их и несоизмеримы.

Подобная символизация мира характерна для всех мировых религий, которые, как известно, и сформировались на Востоке. Их символы и представления являлись основным способом осмысления мира и разрешения его противоречий. Религиозная и мифопоэтическая модели мира и на Востоке, и на Западе хронологически и по существу противостояли историческому и естественнонаучному типам мышления. Эти модели предполагали тождество или, по крайней мере, зависимость, особую связанность космоса, природы и человека. Древняя символика создавалась

исключительно для того, чтобы идеи высокого уровня абстракции обрели «плоть» или получили языковое выражение и тем самым сделались доступными для дальнейшего осмысления другими людьми. Знание, переданное через символ, оказывалось более доступным пониманию и запоминанию, чем знание, переданное через чужой язык.

Западный античный мир закладывает основы рационального постижения мира, отводя важную роль в этом образованию. При этом смысл обучения и воспитания для многих античных мыслителей заключался не просто в накоплении знаний, расширении эрудиции, но во внутреннем преображении человека. В этих представлениях культура рассматривается как культ человеческой души, истинные ценности связаны со степенью ее развития. Тем самым укоренялась и культурная преемственность в обществе, связанная с античным мифологическим сознанием и его символикой. Распространение христианства в Европе сближает восточную и западную модели культуротворчества. В отличие от античности, в средние века особая роль начинает отводиться не рациональному постижению мира, не знанию, но откровению. Подлинное развитие человека усматривается не в формировании рациональных способностей, знаний о природе, но в метафизическом, мистическом опыте. При этом «в системе новых ценностей духовная чистота, простота ставятся несоизмеримо выше, чем высокообразованный, эрудированный интеллект» [2, с. 122].

Эпоха Просвещения усиливает рационалистическое начало в освоении мира, отрицая во многом культурно-исторические традиции. По мнению В.Ф. Мартынова, «задача очищения разума от родовых, социальных, исторических, индивидуальных заблуждений во имя получения достоверного знания становится ключевой» [2, с. 161]. Критериями культурного развития общества становятся темпы научно-технического прогресса, глубина познания законов природы и их использования во благо человека. Древнейшие символы постепенно теряют свою сакральную силу, оставаясь таковыми только в религиозных и эзотерических учениях. Широкое распространение начинает получать прикладная символика различных наук и областей знаний, становящаяся все более интернациональной. Эта символика связана, как правило, с означиванием физического, внешнего мира.

Глобализация как устремленность человека к всеобъемлющей интеграции открыла невиданные ранее возможности для сближения культур, расширения коммуникативного пространства. Позитивным моментом научно-технической глобализации является то, что она создает реальные возможности для объединения стран, регионов, народов, формируя единое цивилизационное пространство. Но подлинная интеграция – это понятие не техническое, не экономическое, а культурное, духовное. Закономерной реакцией на результаты прагматической глобализации, которая не приносит человеку подлинного удовлетворения, в области культуры является постмодернистское умонастроение, отражающее переживание неопределенности, случайности человеческого бытия, аксиологического краха. Главный источник всеобщей гармонизации, по мнению многих

ученых, следует искать не в технической и технологической экспансии, а в духовном пространстве, в раскрытии внутренних возможностей человека, что позволит выйти на качественно иное видение мироздания, самого человека, обнаружить новые, глубинные типы гармонии.

Как показывают исследования современных социологов, многие ценностные доминанты на Западе и на Востоке остаются по-прежнему различными. Так, индивидуальность как ценность доминирует в западных культурах, в восточных культурах она занимает 3-е место; мир – главная ценность в восточных культурах, на 3-ем месте в западных; деньги – на 1-м месте в западных культурах, на 3-м в восточных; первенство, лидерство – на 1-м месте в западных культурах, несущественны (занимают 4-е, 5-е и далее место) для восточных; уважение к старшим, гостеприимство – доминирующие ценности в восточных культурах, несущественны для западных; материнство – на 1-м месте в восточных, на 2-м в западных культурах; скромность – на 1-м месте в восточных, несущественна для западных культур; пунктуальность доминирует в западных культурах, на 3-м месте в восточных; равенство женщин – главное для западных культур, на 2-м месте в восточных [3, с. 10].

Белорусская культура по своей фундаментальной направленности представляет собой эмпатический тип культуры, в которой культивируется способность человека к сопереживанию, чувствованию, толерантности, богатству душевных проявлений. Эмпатическая направленность белорусской культуры объясняет ее «рахманасць», «памяркоўнасць», которые проявляются в отсутствии этноцентризма, мирном сосуществовании различных наций, религиозных конфессий. Эмпатия сближает белорусскую культуру с восточной культурой, основанной на культе предков, природной гармонии, пантеизме, женственности, толерантности. Менталитету белорусов близка прелесть простого, незамысловатого, проникновенного, например, красота василька, который символизирует безмерную привязанность белоруса к непритязательной, безыскусной, незамысловатой красоте земли белорусской. Однако белорусской культуре свойственна не только эмпатия, но и практическая направленность, что сближает ее с западной культурой. Вместе с тем в белорусской культуре нет того прагматизма, утилитаризма, индивидуализма, которые характерны для западной культуры. Белорусская культура смогла осуществить органичный синтез пользы и красоты, практически значимого и незаинтересованного, тяготея не к экспансии, противоборству, но к гибкому, толерантному диалогу с иными культурами, другими государственными системами [2, с. 679-684].

Литература

1. Смирнов, Б.Л. Махабхарата II. – Бхагавадгита (часть I) / Б.Л. Смирнов. Ашхабад: изд-во АН ТССР, 1960. – 402 с.
2. Мартынов, В.Ф. Культурология. Теория культуры: учебное пособие / В.Ф. Мартынов. – Минск: Асар, 2008. – 848 с.

3. Темиргазина, З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике / З.К. Темиргазина. – Павлодар, 2002. – 140 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ